

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ЖАРА

РАССКАЗ

Поначалу в то, что ещё одно лето будет без дождей, не верил никто. К июню народ занервничал. Жара навалилась тяжелее прошлогодней. На глазах высыхали окрестные озера, пруды и мелкие речки. Выгорели луга, и скотина осталась без корма. На некоторых полях зерно не взошло вовсе. И тут стало по-настоящему страшно...

1

Местный поп Василий сидел у себя в сараюшке за домом и плёл корзинки. Корзинки он научился плести, памятуя, что дело сие апостольское. Оно, и правда, во всех отношениях оказалось полезно: во-первых, занимало самого отца Василия, отвлечённая от мирских забот мысль его могла часами бродить в совершенно иных мирах и сферах, предаваясь рассуждению и любознательности; во-вторых, супружница отца Василия приспособилась продавать мужнины плетёнки на местном базаре, где их с удовольствием разбирали, особенно приезжие грибники. В этом году и лесная кладовая оскудела, так что плоды рукоделия отца Василия копились в углу той же сараюшки. И это слегка огорчало отца Василия. Деньги его не волновали, всё, что получала матушка от торговли, шло в специальный милостивый церковный ящичек. А так тут было хорошо: в погребе был ледник, и оттуда тянуло прохладой,

ГРОМОВ Александр Витальевич родился в 1967 г. в г. Подольске Московской обл. Служил в Афганистане, награжден медалью "За боевые заслуги". Окончил Литературный институт. Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Самаре.

в доме же, несмотря на всю его статность и добротность, с утра уже становилось душно и тяжело.

Отец Василий собирался просидеть за рукоделием до обеда, однако не прошло и часа, как из дома позвала жена:

— Отец, а, отец, ты где?!.. Подь, ты к аппарату.

Ничего хорошего от телефонных звонков, особенно в понедельник, да ещё с утра, ждать не приходилось. Так оно всегда бывает: начальство в понедельник выйдет на работу, посоветуется, решит чего-нибудь про себя и давай искать, кому эти решения претворять в жизнь. Дети звонят вечером. Требы — со вторника. Да и голос у жены официальный какой-то.

Выйдя из сараюшки, отец Василий зажмурился — так обдало жаром. Разлепив глаза, потряс головой, потихоньку втянул раскалённый воздух. “Ужас какой, осерчал Господь на мир-то”, — подумал он о мире как о чём-то отстранённом, словно о картинке в телевизоре, и побрёл к дому.

— Кто там? — спросил отец Василий, взойдя в дом.

— Молодая какая-то, — почти шёпотом доложила супруга.

Отец Василий снова вздохнул. Жил он себе мирно и тихо, доживая в небольшом домике у кладбищенской церкви, и в мирские дела старался не впутываться. Одно время он чайл передать церковь детям. Но подававший большие богословские надежды сын неожиданно ударился в мирскую науку, перебрался в Москву и теперь работал в важном научном центре; дочка же, отправившись на регентские курсы в область (она и правда замечательно пела), вместо того чтобы выйти за священника, оказалась замужем за директором строительной фирмы. С тех пор, кстати, как дочь вышла замуж, отец Василий и принялся за корзинки.

Он поднял трубку и голосом недовольного человека, оторванного от важных дел, произнёс:

— Аллё?

— Василий Георгиевич? — пропел в трубке приятный голос.

— Ну, я, — откликнулся отец Василий.

— Вас приглашает к себе глава администрации Семён Алексеич.

— Когда?

— Желательно прямо сейчас, — мило произнёс приятный голос, при этом слово “желательно” быстро растаяло, как сладкая вата, а “прямо сейчас” застряло колом. И, словно закрепляя этот кол, трубка спросила: — Прислать за вами машину?

— Нет-нет, — ещё больше испугался отец Василий, — я уж сам подойду, соберусь сейчас и подойду, — хотя страшно не хотелось никуда идти, тем более в администрацию.

— Хорошо, Семён Алексеич вас ждёт.

2

Не то чтобы отец Василий не любил властей, но и добра особого от них не ждал. Поэтому старался держаться подальше, рассуждая: “У них свой мир, у нас — свой”.

— Господи, как на судилище иду, — проворчал отец Василий и глянул на жену. — Ну, чего, давай собираться, чать, Господь милостив.

Поданную праздничную рясу пришлось отвергнуть — она даже на вид была тяжела. “Спекусь я в ней”, — решил отец Василий и, подтянув повыше на тонкие икры носки, облачился во всё будничное, немножко потёртое, но лёгкое и привычное, и сразу почувствовал себя увереннее, словно собрался на службу.

А служил отец Василий исправно и с удовольствием. Вечернее богослужение растягивалось у него на три часа, а литургию подводил так, чтобы причащать непременно за полчаса до полудня. Хор, состоявший из старух, был под стать ему: протяжно растягивал слова, и порой старухи сами забывали, с чего начинали петь, и с хоров слышалось их бранчливое шипение. Особенно нравилось отцу Василию служить вечерни посреди недели, когда храм был почти пуст и ничто не отвлекало от молитвы.

Ему нравилось представлять, как он, оставив земное служение, сможет только молиться и готовиться к будущей жизни, пристроится возле какого-нибудь монастыря, а то и вовсе, даст Бог, уйдёт с матушкой в монахи. Эти мысли нравились ему более всего, ими он и утешался, идя сейчас по раскалённому селу. На подходе к новому из красного кирпича двухэтажному зданию администрации он изнемог окончательно, а когда потянул на себя тугую дверь, дверная ручка выскользнула из рук, и вход в администрацию захлопнулся. Священник от неожиданности замер: “Это — знак!”

На помощь поспешил охранник, он открыл дверь и замер с приглашающим жестом. Отец Василий всем существом ощутил тянувшийся из открытой двери холодок, сглотнул наполнившую рот слюну и шагнул внутрь.

3

В кабинете главы за столом сидели три удивительно похожих друг на друга, словно братья, круглолицых загорелых крепыша в одинаковых белых рубашках с короткими рукавами и суховатый седой мужчина, лицо которого отцу Василию вроде бы встречалось прежде. Сам глава Семён Алексеевич подскочил из-за стола и подкатился к отцу Василию. Был он черняв, невелик ростом и, конечно, обладал руководящим животиком, который, казалось, только подчёркивал его энергичность и стремление двигаться, катиться, куда надо, и решать возникающие проблемы.

— Проходите, Василий Георгиевич, проходите, мы вас давно ждём. Садитесь, — глава усадил священника за длинный стол напротив братьев и сам, выдвинув стул, демократично сел рядом. — Ну, не будем тянуть, — после секундной паузы начал он. — Мы тут посоветовались, — глава сделал жест в сторону братьев, — и решили, в смысле, подумали: а не организовать ли нам крестный ход?!

Он сказал это так бодро и даже весело, словно речь шла о дискотеке. Отец Василий и не сообразил сразу, что предлагает глава.

— Вы как на это смотрите, Василий Георгиевич?

— На что?

— Ну, на крестный ход, так ведь правильно это называется? — И он посмотрел на сидящую за столом группу поддержки.

— Простите, вы хотите организовать крестный ход?

— Ну да.

— А в честь чего?

Снова повисла пауза. Глава недовольно посмотрел на суховатого дядьку — видимо, с крестным ходом была его идея.

— Простите, — отец Василий понял, что ляпнул что-то не то, — я хотел спросить, в честь какого святого или праздника?

— Да какого праздника! — подскочил глава. — У нас поля горят. Всё скоро сгорит на... — тут глава осёкся, одёрнул себя, словно поправил одежду, и сел. — На корню всё сгорит. Вот мы и решили... подумали... — глава подбирал и никак не мог произнести слово, — ну, вы же понимаете, Василий Георгиевич, о чём я... Раньше, как в старину, ходили же люди на поля, просили там о дожде... об урожае... молились, — слово само выскочило из уст главы, и тот облегчённо вздохнул. — Вот!

— А-а, — улыбнулся отец Василий и снова ляпнул: — Допекло, значит. Глава обиделся.

— Что значит “допекло”? Мы тут днями-ночами не спим, люди с полей не уходят, делаем, что можем, а вы ещё и радуетесь?

— Нет-нет, что вы, это я неудачно выразился, — поспешил оправдаться священник. — Сам ничего с этой жарой не соображаю. Простите.

— А мы вот тут соображаем, — глава сделал упор на слове “мы” и ещё больше надавил:

— За всех, между прочим.

— Да-да, — отец Василий подумал, что лучше будет молчать, но все смотрели на него. — И как вы хотите пройти по селу?

— Да ну его на... — глава опять загнулся и прокашлялся. — На кой нам село. Нам на поля надо. Поля горят, а село — потерпит.

— Что ж, крестный ход — это хорошо, — произнёс отец Василий, подумал, не сказал ли опять чего лишнего, и, так как все продолжали смотреть на него, спросил:

— И когда вы планируете?

— Завтра! — выпалил глава.

— Э-э, как завтра? — отец Василий никак не был готов к таким темам. — Тут ведь подготовиться надо.

— А чего готовиться? — удивился глава. — Народ мы организуем. Встали утром — и пошли. Мы вот тут уже и маршрут прикинули: выйдем из села и пойдём на “Путь Ильича” — там у нас больше всего яровых пропадает, километров пять пройдем до первого отделения, там... — он опять загнулся, но выговорил:

— ...помолимся и вернёмся.

— А ещё можно после молебна со святой водой объехать основные поля и окропить, — добил сухощавый, и отец Василий вспомнил, что видел его несколько раз в церкви: он стоял у входных дверей и принимал на руки ребёнка, которого подносила ему после причастия молодая, такая же суховатая и твердоглазая женщина. По глазам-то и узнал.

— Нет, — сказал он, но не так твёрдо, как хотелось бы, — крестный ход — дело серьёзное, не всё так просто...

— А в чём проблема? — спросил глава.

Отец Василий задумался: а в чём, и правда, проблема?

— Надо найти людей, которые будут нести хоругви и икону Богородицы.

— Это мы спортсменов подключим, — мгновенно отреагировал глава.

— Надо ведь несколько смен, чтобы люди менялись.

— Ничего-ничего, их там целая команда, а то и две, не всё им мячик гонять, пусть послужат обществу.

— Надо ещё икону из киота достать, там у нас всё прочно вмонтировано...

— Это Петрович бригаду пришлёт. Что ещё?

— Вот! — едва ли не обрадованно воскликнул, вспомнив о главном, отец Василий. — Надо у владыки благословение взять.

— Это что, в область ехать, что ли?

— Да нет, — растерялся отец Василий, представив, как его прямо в стареньком подряснике отправляют к владыке, — можно и по телефону.

— Так позвоните.

— Прямо сейчас? — на лице отца Василия отразился неподдельный испуг, который несколько позабавил главу.

— Прямо сейчас.

— А у меня телефон дома, — нашёлся отец Василий.

— Так это не проблема. — Глава поднялся и подошёл к телефонам, нажал на кнопку селектора. — Наташа, узнай телефон владыки. Как — какого? При чём здесь губернатор... Эх, какой поп у нас главный? — и посмотрел на священника. “А ведь и правда, это всё равно, что меня бы заставили губернатору звонить”, — подумал он с опаской.

— Нет, — на этот раз отец Василий произнёс достаточно твёрдо, да и Семён Алексеевич, представив губернатора, поостыл и сказал в селектор:

— Не надо. — А отцу Василию: — Ну, так позвоните?

— А нельзя ли, — тот несколько приободрился, — потом свернуть с “Пути Ильича” и вернуться другой дорогой? Не подумайте, что я против этого геройского совхоза, просто крестный ход должен делать круг, как бы замыкаться, освящая место...

Глава посмотрел на братьев.

— Можно отсюда свернуть и уйти на Дмитровку, потом выйти на Высокое и там по шоссе — в село, — предложил один из них.

— Но это километров двадцать будет или даже поболее, — сказал другой. Третьему добавить, видимо, было нечего, и он кивнул.

— И хорошо, — неожиданно согласился отец Василий. — Крестный ход — это труд. Нам ведь потрудиться нужно, и те, кто крестным ходом идёт, не зря зовутся сотрудики, потому что вместе трудятся.

— Во как! — глава весело посмотрел на братьев. — Сотрудики вы мои. — И поставил во всём этом деле точку. — Значит, завтра.

Обратно отца Василия отвезли на машине.

4

Конечно, архиерею отец Василий звонить не стал, но благочинному доложить надо было, к тому же сидело где-то: а вдруг не благословит?

Благочиние возглавлял сравнительно молодой протоиерей Александр — деятельный и неспокойный человек, от чего случалось терпеть и отцу Василию. То зашлёт по благочинию группу артистов, а ладно бы только кормить и поить их, так ещё полный зал народу собирай. А уж суеты от этих артистов: то не так, это не эдак! Но, надо признать, и концерты получались чудесные, отец Василий, бывало, и всплакнёт, сидючи в первом ряду. И всё же всякий раз, когда появлялась машина из соседнего прихода, дабы забрать группу, он облегчённо вздыхал и незаметно быстро и радостно крестился. То благочинный придумал к Пасхе выставку детских рисунков и обязал приходы, а что у него здесь — художественная мастерская, что ли? Однако и тут обошлось, нанесли бабушки картинок, а одна девочка даже почётную грамоту получила. Сейчас благочинный организовал детский православный лагерь и полностью завяз там, говорят, что и в храме перестал появляться, всю службу на второго священника свалил. Но это ничего, к молитве, как считал отец Василий, расположение нужно, придёт ещё времечко. И он искреннее молился за благочинного.

Отец Александр, услышав про крестный ход, обрадовался, сказал, что сам подумывал, да вот никак не может вырваться из лагеря, и что надо обязательно организовать крестные ходы в каждом приходе. Словом, благословил.

5

Весть о том, что во вторник будет крестный ход, разнеслась по селу быстрее огня. Народ затеребил отца Василия. Он сначала ворчал, обзывал всех надоедами, но постепенно радость и надежда, которые чувствовалась в каждом звонке, в каждом вопросе приходящих людей, в каждом желании быть полезным, захватили и его.

Собравшийся народ доставал и раскладывал церковную утварь. Присланные администрацией мужики вынесли из алтаря большую икону Спасителя.

— А Казанскую, неужто и Её достанут? — заволновались старушки.

По преданию, метровую, в богатом серебряном окладе икону Казанской Божией Матери преподнёс при открытии храма тогдашний архиерей. Икона особо почиталась народом, а у областных краеведов числилась в особо важных каталогах. С тех пор как ремонтники поставили её в специальный иконостас и закрыли стеклом, икону открывали лишь по большим праздникам, а из иконостаса не доставали вовсе. Оказалось, что икона держится в нём на каких-то хитрых приспособлениях и просто вытянуть, как это пытались сделать присланные администрацией мужики, причём со всё нарастающим упорством, её так просто не удаётся.

— Стойте! — остановил отец Василий ретивых помощников. — Так нельзя. Вы бы ещё с молотком на Божию Матерь пошли.

Мужики переглянулись. Один спросил:

— А где молоток?

Отец Василий вздохнул.

— Идите сюда, — и вокруг него неожиданно собралось человек тридцать. — Давайте помолимся, — сказал отец Василий. — Принесите-ка подставочку, — и сам сходил в алтарь за акафистником. Вернувшись, торжественно пропел: — Благословен Бог наш, всегда ныне и присно и во веки ве-

ков! Аминь. — Потом оглянулся на прихожан и взмахнул рукой: — Царю Небесный...

Прихожане подхватили, и эта дружность так умилила отца Василия, что он почувствовал подступивший к горлу комок и следующие молитвы читал тонким, почти юношеским ломающимся голосом. По ходу акафиста голос его креп, и в какой-то момент он заметил, что почти не заглядывает в книгу, а слова идут сами, некоторые из них он повторял, другие усиливал голосом, особенно трепетно вышло, когда акафист подходил к концу. За спиной слышались всхлипывания.

— Со умилением сердец коленопреклоненно Пресвятой Богородице помолимся, — отец Василий упал на колени и за ним прошелестело, слово шум крыльев.

После молитвы, поднявшись с колен, он подошёл к иконостасу, припал к иконе, обнял её и вдруг руки сами нашли то ли крючок, то ли защёлку. Отец Василий надавил попавшуюся штуковину и почувствовал всю тяжесть сходящей на него иконы.

Больше всего, конечно, были поражены тягавшие до этого икону мужики. Старушки крестились и плакали. Все подходили и целовали Заступницу. К вечеру для Казанской сколотили особые носилки, а для Спасителя приготовили красивый рушник.

6

С утра на улице было благодатно и радостно. Тени были длинные, трава в них не выглядела такой пожухлой и жёлтой, обдувал лёгкий ветерок, а поднимающееся солнце не казалось злым. Отец Василий вышел к храму в семь часов, чтобы ещё раз проверить приготовленное накануне. Вчерашние заботы неожиданно принесли ощущение праздника. И это праздничное настроение несколько смущало батюшку: вроде как беда, собрались идти Бога молить о заступничестве и спасении, а тут — праздник.

Подойдя к храму, отец Василий изумился — там уже кучковался народ, рассеявшийся в теньке кладбищенского забора. Завидев батюшку, люди поднялись и потянулись под благословение.

— Вы чего в такую рань-то? — спросил, благословляя, отец Василий.

— Так мы самые дальние в округе, а дальние быстрее всех доходят.

Через полчаса изумление отца Василия выросло ещё больше — столько народу и на Пасху не собиралось. Ровно без пятнадцати пришёл отряд из спортивной школы, которому предстояло посменно нести носилки с Богородицей и хоругви. Без пяти приехало руководство района. Машины пришлось оставлять в стороне и, пока шли к храму, почти сливались с народом, если бы, конечно, не въевшаяся унифицированность в одежде, словно соблюдался некий дресс-код: тёмные штаны, пёстрые серенькие рубашки с короткими рукавами и белые бейсболки с длинными козырьками, закушленные, видимо, накануне в сельмаге.

Семён Алексеевич ощущал себя несколько непривычно. С одной стороны, было нормально, что его узнавали, здоровались, давали дорогу, кто-то попытался пожать руку, кто-то благодарил и невольно, само собой, отмечалось, что хорошее и нужное мероприятие организовали в районе. С другой стороны, несмотря на то, что вчера, и правда, пришлось вплотную позаниматься оргвопросами, даже распоряжение по доскам для носилок, на которых сейчас стояла большая икона, пришлось отдавать самому да ещё до позднего вечера теревить глав поселений по явке и т. д. и т. п., он не чувствовал себя здесь хозяином. Ему уже ничто не подчинялось, даже ребята из спортшколы. Иная сила главенствовала тут, и он никак не мог понять, в чём эта сила, перед которой невольно возникал трепет. Но страха, как, например, полгода назад, когда в район приезжал губернатор, не было.

Вышел отец Василий, в золотом облачении по-царски торжественный. Но и он не был главным, а лишь видимой частью невидимой силы, вовлекающей всех в общий поток. И Семёну Алексеевичу тоже захотелось стать ей сопричастным. Он встретился глазами с отцом Василием, тот слегка кивнул,

и радостно-удивлённый взгляд священника, показалось, говорил о тех же чувствах, что переживал глава района. И напряжение ушло. Надо просто слиться с этой силой, стать её частичкой — и всё разрешится само собой. А что именно разрешится, Семён Алексеевич додумать не успел — начался молебен.

Когда отец Василий кропил сельчан водой, Семён Алексеевич невольно потянулся за всеми, капли щедро упали на него, и он неожиданно вспомнил детство, когда собирались на майскую демонстрацию. Бывало так же весело и радостно. Весна, и все ждали чего-то нового и хорошего. А как здорово было пройти по небольшой площади, где на маленькой трибуне стояли начальники и тоже в ответ весело махали руками, и видно было, что и они ждут нового и хорошего. И вот это ожидание неизбежно хорошего, что должно непременно случиться, объединяло людей. Потом мужики напивались, ребята убежала за село, а вечером матери бранились то ли на них, то ли на мужей, то ли вообще на всё окружающее, и продолжалась обычная жизнь.

А теперь... Теперь перед кем они идут? Семён Алексеевич невольно посмотрел на небо.

Нет, хорошо, что он согласился на крестный ход. Предложил-то Иван Петрович, старый партиз, который, сколько помнится, при всякой власти сидел в администрации. Против выступил главный врач больницы, которого за глаза называли Пилолькиным: “Хватит дурью маяться, лучше бы мелиорацией занялись”. Вечером, когда окончательно согласовывали маршрут, Пилолькин явился и опять стал шуметь: он категорически против, потому что погоду обещают за сорок и не исключены случаи тепловых ударов. Иван Петрович отмахнулся, как от мухи: “Ишь, как бесёнок нервничает”. Семён Алексеевич посмотрел на своего главного врача, как тот крутится вокруг стола и дёргает за руки то одного, то другого, и рассмеялся.

Крестный ход дружно двинулся по селу. Казалось, всё село вышло, только старые да малые оставались стоять вдоль дороги. Старухи крестили идущих, дети махали руками, старики смотрели из-под руки. “Как на войну провожают”, — подумалось Семёну Алексеевичу.

В самом же крестном ходе, к удивлению, многие общались, обменивались новостями, как будто не виделись по нескольку лет, хотя жили-то в одном селе. Но это поначалу, потом подхватили “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас”, и так ладно получалось, что невольно хотелось петь вместе со всеми. Семён Алексеевич покосился по сторонам — никто на него внимания не обращал, только Иван Петрович, шедший недалеко, кивнул головой: вот, мол, как здорово идём! — и он прошептал слова молитвы отчётливее. И опять ничего плохого не случилось, и дальше глава администрации запел вместе со всеми.

Крестный ход вышел из села, свернул с шоссе и пошёл лесом, за которым начинались поля.

7

Не заметили, как оказались на месте первой остановки крестного хода, после которой утверждённый маршрут поворачивал на Фёдоровку. А по часам выходило, что шли полтора часа. Там уже ждали сельчане из совхоза “Путь Ильича”, и эта встреча получилась радостной, словно два крыла армии замыкали кольцо.

Снова служили молебен. Отец Василий сиял. Всю дорогу он восторженно пел со всеми и недоумевал: откуда эти люди, приходящие в храм в большинстве своём разве что на Рождество и Пасху, могут так дружно петь? Сейчас, казалось, с ними можно горы свернуть, победить любого врага, хоть на Москву иди, как в Смутные времена.

Многие подпевали и во время молебна, а когда отец Василий начал читать молитву ко Спасителю, то все встали на колени и, казалось, перестали дышать, так далеко были слышны слова, которые произносил священник.

Отец Василий освятил несколько бидонов с водой, опять обильно кропил. Народ пил освящённую воду, хвалил её сладость, умывался ею, благодарил. Потом поднялись и пошли на Фёдоровку.

Но этот отрезок, хотя были те же пять километров, оказался труднее. Солнце поднималось всё выше и после десяти часов пекло уже немилосердно, и если теперь случался ветерок, то он обдавал словно жаром из открывшейся печки. А печка — вся раскалённая степь — стояла перед глазами и производила гнетущее впечатление. Потрескавшаяся земля напоминала кожу изработавшейся мёртвой старухи, которую надо хоронить, а некому. Так недавно случилось на дальних выселках, где бабка пролежала на полу несколько дней, и увиденное долго мучило Семёна Алексеевича. Жалкие худые былинки, торчавшие из земных трещин, казались неживыми, а ощущение мертвенности окружающему придавало отсутствие какой-либо живности. Ни тебе жука, ни кузнечика, ни даже мухи.

Первыми присмирели дети. Они больше не носились вдоль крестного хода, не забегали вперёд креста, держались бабушек и родителей. Стало казаться, что народу убавилось.

Впрочем, после молебна, действительно, несколько машин, забрав освящённую воду, разъехалось по отделениям, уехали некоторые начальники — всё-таки день был рабочий. Семёна Алексеевича тоже ждала машина, но его не отпускал удивительный восторг, которого он никогда не испытывал раньше, и ему хотелось длить и длить это чувство. “Сами справитесь”, — бросил он замам и даже посочувствовал им.

Вскоре Семён Алексеевич начал жалеть, что не уехал. Зря вообще пошли дальше. После молебна надо было возвращаться в село. Дело сделалось, в душах остались бы радость и восхищение, и люди запомнили бы. А сколько бы потянулось в церковь, чтобы вновь испытать эти чувства!.. Нет, отец Василий не политик, зря его послушали, зря...

Семёну Алексеевичу досаждала не столько жара, хотя пот ручьём тёк из-под бейсболки, сколько собственные ноги. Начинало поламывать при каждом шаге под левой коленкой, и Семён Алексеевич с ужасом представил, что вот он, глава района, сейчас на виду у всех захромает, не сможет идти, придётся вызывать машину, а все будут смотреть на него и про себя ухмыляться... С правой ногой тоже не всё было в порядке — там жал ботинок, и Семён Алексеевич никак не мог понять, то ли у него ноги разные, то ли неудачные ботинки. А тут ещё несносный пот, который достал везде, до самых неприличных мест. Больше всего страдали ляжки, которые казались одной большой мозолью, и швы брюк с методичной непреклонностью терзали эту огромную рану, как ворон — печень провинившегося героя.

Каждый шаг давался с трудом и болью. Семён Алексеевич перестал обращать внимание на то, что происходит вокруг, только следил за тем, как ставит ноги. Он давно уже косолапил и опирался на палку, которую кто-то, скорее всего, Иван Петрович, любезно подеунул ему, и клял себя за то, что вообще поддался на то, чтобы идти на этот крестный ход, людей, которые его уговорили, людей, которые шли, всех священников, придумавших это измывательство, а особенно — отца Василия, потащившего их кружным путём. Он сильно отстал, плёлся в конце, но и сам крестный ход не представлял уже того единого целого, каким он был вначале, — он вытянулся по неширокой дороге, и слабое пение от креста еле доносилось до середины его. Впереди Семёна Алексеевича шла тётка с крупными, по-слоновьи отёкшими ногами, обутыми в домашние тапочки, рядом с ней семенил не поспевавший мальчик, загребавший сандалиями пыль, отчего носки на ногах его стали серыми. Через каждые три-четыре шажка мальчик подпрыгивал, чтобы попеть за женщиной. За спиной слышалось невнятное бормотание. “Молятея, — понял Семён Алексеевич. — И мне молитесь надо”. Он стал про себя повторять то, что пели вначале: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас”. Как-то само собой молитва сократилась до “Господи, помилуй”, подстроившись под каждый шаг. В какой-то момент Семён Алексеевич даже удивился, что перестал обращать внимание на охромевшие ноги и потёртости. И как только он об этом подумал, тут же оступился, и все болячки разом впились в тело. “Господи, помилуй, Господи, помилуй”, — заторопился Семён Алексеевич и более уже не отвлекался.

Вдруг прошелестело, словно по цепи пронеслось: “Дошли! Слава Богу! Привал”. Семён Алексеевич остановился, опёрся на палку и смутно увидел, что иконы и хоругви остановились возле берёзового колка, а за колком стоит несколько машин, среди которых он узнал свою “Волгу”. Оглядевшись, он признал и место: отсюда дорога расходилась на Фёдоровку и Большаково, а если немного посмотреть влево, то виднелась посадка, за которой шла шоссейка, по которой крестный ход должен был возвращаться в село.

8

— Ну, ты герой, Семён Алексеевич, — хлопал по плечу главу района Иван Петрович, и это панибратство не оскорбляло — сейчас все окружающие казались ему братьями. Семён Алексеевич выпил несколько кружек воды, проковылял в тенёк и рухнул на заботливо расстеленное одеяло. Несмотря на гудящие ноги, он весело подумал: “А ничего, дойдём!” — и сам удивился, как хорошо и легко ему стало. Он блаженно прикрыл глаза и не стал подниматься на начавшийся молебен.

С другой стороны колка, где стояли иконы и хоругви, послышались шум и вскрики. Семён Алексеевич приподнялся на локте и спросил, как если бы сидел в кабине и услышал шум с улицы:

— В чём дело?

— Икона плачет, — так же просто ответил шофёр, словно чья-то коза прибрела к администрации, и охранник пугает её.

— Как это — плачет? — не понял Семён Алексеевич.

— Слёзка у неё потекла, — объяснил шофёр.

— Это отец Василий сейчас на всех брызгал, вот на неё и попало, — сказал кто-то. — А народ-то сразу заволновался: мол, к беде, наивные, блин, как чукчи.

— Да нет, — отмахнулся шофёр, — это она долго под стеклом стояла, а тут на жару вынесли, вот и отпотела.

Семён Алексеевич поднялся, он уже пришёл в себя, и сознание, что он тут глава и это его обязанность — знать, решать, направлять и не допускать никакой паники, вернулось к нему.

Перед ним расступились. Богородица скорбно смотрела на него, и глаза Её были наполнены влагой. Это не могли быть ни капли от кропила отца Василия, ни какие-то другие физические явления, пришедшие извне: правый глаз Богородицы был наполнен влагой по самому нижнему окоёму именно так, как появляется слеза у всякого нормального человека. Что-то колыхнулось в пространстве, и слеза покатила по окладу, оставляя за собой влажную бороздку. Секунду стояла тишина, а затем люди бросились к иконе целовать оставленную бороздку.

— Тише вы, тише! — кричал отец Василий. — Не толкайтесь. Да остановитесь! Что же вы делаете? — Он старался протиснуться к иконе, отгородить её от вмиг ошалевшей толпы. — Помогите!

На крик бросились спортсмены, пробились к иконе и подняли носилки с нею. Семён Алексеевич поднял глаза на Богородицу — взгляд Её был по-прежнему скорбен, но сух.

Отец Василий отодвигал людей:

— Что ж вы так-то? Надо благочестиво... Богородица жалеет вас, а вы набросились, как же так...

Все стояли поражённые, присмирившие и растерянные, никто не мог объяснить общее помешательство и никто не решался что-либо делать дальше. “И я не знаю, что делать”, — подумал Семён Алексеевич, и ему опять стало тоскливо, что не уехал после первого привала.

— Давайте помолимся, — произнёс отец Василий.

Следом за ним на колени встали все. И Семён Алексеевич встал. Невольно оглянувшись — встали и приехавшие, и его шофёр тоже стоит. Только с той стороны колка кто-то переругивался и, кажется, курил.

— Пресвятая Богородица, прости нас! Царице преблагая, Заступница благих и сирых утешительница, зриши нашу беду, зриши нашу скорбь... — На

этих словах отец Василий ударил себя в грудь, потом, словно стон, разнеслось над стенью: — Пресвятая Богородица, спаси нас!

Наступила пауза. Многие плакали. Отец Василий продолжал стоять, опустив голову, плечи его подрагивали, потом он поднял руки и лицо.

— Пресвятая Богородица! Владычица! Спасибо Тебе, что Ты не оставляешь нас. Спасибо, что скорбишь вместе с нами. Мы прогневали Сына Твоего. Помоги нам, объясни, вразуми, как нам вернуть Его милость. Как... — Он замолчал и снова опустил голову.

Такой напряжённой тишины Семён Алексеевич ещё никогда не слышал. Все ждали, что ответит Богородица. В том, что Она ответит или подаст какой знак, не сомневался, наверное, никто. И если бы Она сейчас зримо кивнула головой, перекрестила бы их или, сойдя с иконы, встала посреди всех, никто бы не удивился и не воспринял бы это как чудо.

Тишина длилась с минуту. Потом отец Василий тихим голосом сказал:

— Сейчас я прочитаю общую исповедь. Кто в чём грешен, повторяйте за мной.

— Что, что сейчас будет? — спрашивали с задних рядов.

— Исповедь.

“Как исповедь?” — чуть было не спросил Семён Алексеевич.

Отец Василий встал рядом с Богородицей, развернул походный амвон, похожий на складной столик, положил на него Евангелие, крест. Народ придвинулся к нему и хором повторял за ним: “Каюсь”.

“Почему я должен каяться в том, чего не делал?” — подумал Семён Алексеевич и вернулся в тенёк.

— Это надолго, — сказал его шофёр.

— Раньше двух не кончат, — уточнил кто-то рядом и бросил окурок.

— Вы как, Семён Алексеевич? Может, поедем?

На какую-то секунду Семён Алексеевич не то чтобы задумался, а словно поискал оправдание своему отъезду, но в то же время он обрадовался и удивился: почему никто раньше не предложил ему уехать?

— Поехали, — кивнул он шофёру, бросил посох, сделал решительный шаг к машине и тут же охнул — без посоха ходить уже не получалось.

Шофёр поддержал его.

— Осторожнее, тут ямка.

Но Семён Алексеевич уже справился, отодвинул подставленную уже руку и, стиснув зубы, заковывал к машине.

В машине работал кондиционер, и царил невероятная после всего пережитого прохлада. “Вот оно, блаженство, — подумал Семён Алексеевич. — Попрощаться бы надо”. Он оглянулся, увидел сквозь тонированное стекло отца Василия, покрывавшего голову епитрахилью пригнувшейся старухе, и махнул рукой:

— Поехали.

Теперь уже хотелось уехать как можно быстрее, а машина, как назло, дёрнулась и заглохла. Шофёр поворачивал ключ, жал на газ, чертыхался, но машина стояла. И тут сквозь стрёкот стартера Семёну Алексеевичу послышался посторонний шум, словно гул какой-то.

Шофёр ошарашенно оглянулся.

— Слышали?

У шофёра было такое изумлённое лицо, что Семён Алексеевич растерялся.

— Что, что такое?

— Да это же гром! — шофёр замер с выставленным вверх пальцем, и Семён Алексеевич ясно услышал далёкий рокот, который и в самом деле напоминал гром.

Шофёр открыл дверцу.

— Ей-Богу, гром, Семён Алексеевич! Слышите!

— Слышу, — устало согласился глава района. Слишком много необычного свалилось на него сегодня, да и из машины уже выйти сил не оставалось. — Поехали.

И машина завелась.

Людьми же гром был воспринят как ожидаемый знак. Словно разрешилось что-то над людьми, словно они получили прощение. Все возбуждённо тыкали в небо пальцами, прислушивались, дальние раскаты грома встречали радостными громкими криками, кто-то даже различил появившиеся на горизонте облака, и уже начинало казаться, что в конце поля клубится что-то белое и долгожданное.

Исповедь пошла бойчее. Но отец Василий не торопился, был последователен, строг и отпустил последнего кающегося, когда время подходило к двум часам. Наступил самый жар. Все сбились в колке, разморённые, но довольные. Обсуждали гром, доедали присланные из села бутерброды и ждали, когда двинутся куда-нибудь дальше.

9

Приехав домой, Семён Алексеевич никак не мог успокоиться: словно червяк в яблоке, грызла его непонятная досада, будто что-то не так сделано или вовсе осталось недоделанным. И всё хотелось задавить этого червяка, погрузиться в текучку и забыть о своём бегстве.

Он принял душ, надел привычный костюм и поехал в администрацию. Тело поламывало, но в этом была своя прелесть, словно и впрямь хорошо поработал. Он попытался читать сводки, делать телефонные звонки, решать вопросы, но никак не мог уловить в этом смысла, будто он играл в странную игру, и стоило чуть отвлечься от неё, как тут же перед глазами вставали поднятые вверх руки отца Василия, звучала молитва, которую повторял, когда ковылял до второго привала, смотрела влажными глазами Богородица. И он уже никак не мог отделаться от того, что постоянно думает о людях, идущих сейчас в самое пекло по асфальтовой шоссе.

Сначала отправил к крестному ходу “газельку”, чтобы подбирать отставших людей. Потом распорядился, чтобы с крестным ходом постоянно ехала машина с питьевой водой. Не утерпев, вызвонил главного врача и велел послать к крестному ходу машину “скорой помощи”. Что он мог ещё сделать? Пару раз порывался поехать встречать крестный ход, но как? Хлебом-солью? Цветами и почётными грамотами? Может, встать на колени и просить прощения? И он тут же представлял себя стоящим на коленях и морщился — всё это отдавало фальшью. Да, он слаб, да, он не готов к таким подвигам, но вот он тут, на своём месте и делает то, что в его силах. Надо признать, не очень-то и больших.

Позвонил помощнику, которого посадил на “газельку”.

— Ну, как?

— Идут.

— Далеко ещё?

— Так-то нет, но медленно всё, привал делали.

— Ты уж собирай там тех, кто устал, уговаривай, там народ упёртый.

Хотел спросить про “скорую”, да побоялся. В конце концов, плохие новости, как показывала практика, долетают пулей.

А “скорую”-то глава не зря выслал. По раскалённому асфальту идти оказалось невозможно. Ноги чуть ли не вязли в размягчённом асфальте, а те, у кого была крепкая подошва, оставляли на шоссе следы. Крестный ход сбился на обочину и двигался медленно, но упорно. Как только появилась “газелька”, туда попрятали детей. Тяжелее всех, наверное, приходилось спортсменам, несшим носилки с иконой и хоругви. Им помогали на подменке мужики, но мужиков было немного. Стали отставать старухи. Сделали один привал, дожидаясь отставших.

Подъехала машина “скорой помощи”, и отец Василий предложил тем, у кого совсем не осталось сил, уехать.

— Нельзя, — говорил он, — стремиться совершить подвиг паче сил. Это гордость.

Спортсмены переглянулись.

— А сам-то ты, батюшка, как идёшь? — спросил кто-то.

— Не знаю, — честно признался отец Василий. — Иду за Богородицей. Её слезу вижу.

— Вот и мы так же...

Отец Василий окропил всех водой. Все, кто хотел, в общем-то уехали ещё от колка. В крестном ходе оставалось чуть больше сотни человек да десятка полтора детей ехали в “газели”.

Спортсмены подняли носилки с иконой, и крестный ход двинулся дальше.

Отец Василий, и правда, не понимал, как идёт. Его терзали сомнения, правильно он поступил, начав исповедовать в поле, из-за чего теперь приходилось идти в самый жар. Но уж больно силён оказался порыв. А ведь были и такие, кто исповедовался первый раз, а многие не исповедовались по году и больше. Отец Василий и обычную-то исповедь переносил тяжело, в большие праздники старался поисповедовать прихожан с вечера, но всё равно оставались те, к кому приходилось выходить после “Отче наш...”, и потом батюшка несколько минут сидел в алтаре и приходил в себя, прежде чем подойти к чаше.

Да ведь завтра же литургия! Как хорошо было бы причастить тех, кого он исповедовал сегодня! Откуда только взять силы?

Как же тут разобраться, Господи, где воля Твоя? Как узнать-то простому человеку? Чьи эти слёзы, которые все видели? И этот гром, который слышали все? Ты ли это? Или это Твой противник лукаво глумился, а теперь потешается в сторонке? Господи, не оставь нас! Даже если впали в грех — не оставь. Как мы доверчивы, податливы... А я-то, я-то, старый дурак, обрадовался: Господь мне чудо явил... Да кто я такой-то! Господи, как же мне людей привести... Господи, не дай пропасть. Вот они, без сил, а идут. За Твоим Крестом, Господи, идут, верят. Не оставь, Господи! Пусть будет воля Твоя!

Только крестный ход поднялся со второго привала, как тётке Вале, досиживающей предпенсионный год на почте, стало плохо. И вроде тётка-то крепкая, огород у неё, скотина, сама кого хошь погоняет, а тут завалилась набок, беззвучно хватая ртом воздух. Тут же, как ждали, подскочили медики из “скорой”, упрятали тётку и увезли.

Отец Василий, шедший впереди, и не обратил сразу внимания на мешкотню сзади, и только когда “скорая” с сиреной просвистела мимо, остановился.

— Как же так, что же меня не позвали, надо было водичкой, водичкой окропить...

— Да мы сами не поняли, она шла-шла и вдруг давай падать... А эти подхватили и увистали...

Через полчаса ещё двум женщинам стало плохо. Их уложили на обочину, отец Василий окропил святой водой, поднесли икону Богородицы. Дождались “скорой”. Как женщины ни убеждали, что им полегчало, их отправили в село и двинулись дальше.

“Господи, сохрани, — мысленно повторял отец Василий. — Я — грешен, я — виноват. Меня забери, а их, которых Ты дал мне, сохрани”.

Словно за толстым гнутым стеклом вдали показалось село. Отец Василий объявил привал.

— Дети, простите меня, — обратился он к лежащей на обочине пастве. — Простите за то, что я вам скажу сейчас. Я скажу, а вы поступайте, как подскажет совесть. Вот мы приближаемся к родному селу. Я знаю, вам трудно, но ведь на то мы и трудники. Для чего мы ходили с вами в крестный ход? Мы просили дождя. Потому что знаем, что если не будет дождя, погибнет урожай, и у нас не будет хлеба, погибнет всё, на чём зиждется наше материальное благосостояние. Вот об этом своём благосостоянии мы и шли просить. Мы шли просить за себя. А как надо было? Надо было всё делать ради Бога. Вы спросите, а зачем Ему нужно, чтобы вот так мы изнуряли себя? Ему это не нужно. Но Он видит нас, видит, что мы ради Него, а не ради себя готовы претерпеть, и Он, конечно, состраждет нам. То есть мы о Нём страдаем, а Он — о нас. Простите, и сказать толком не умею. В общем, не дождя нам надо было просить, а чтобы Он не оставлял нас.

И тогда мы увидим, что Он среди нас, вот здесь идёт вместе с нами. А когда с нами Бог — кто против нас? Давайте войдём в село как победители.

10

Они входили в село как победители. Это было израненное, измученное, истрёпанное, но устоявшее войско. Они и сами не понимали, в чём и кого победили, но дух победы сам собой разносился по округе. Их встречало почти всё село. Выносили воды, благодарили, ребятя вылезла из “газели” и неслась впереди, слава возвращение.

Когда отец Василий служил в церкви повечерие, многие люди лежали на полу. В конце он напомнил, что завтра литургия, потом он ещё минут двадцать благословлял людей и каждому говорил: “Благодарим Тебя, Христе Боже наш”.

Домой его вела матушка. Хорошо хоть дом сразу за церковной оградой, а дальше — кладбище. Добредя до дома, отец Василий сел у крылечка и так просидел в оцепенении, пока матушка не окликнула его. Она стянула с него ботинки, а отцу Василию казалось, что у него отдирают часть тела. Потом принесла тазик с тёплой водой и поставила туда ботинки. Он слабым кивком поблагодарил.

Матушка не знала, как ещё услужить супругу, но чувствовала, что всё человеческое, что она приготовила — ужин, баня, — для него не имеет сейчас никакого значения. “На всё воля Божия”, — решила она и не стала тормозить отца Василия, вернулась в дом и принялась читать вечернее правило.

Отец Василий не понимал своего состояния: хорошо ему или плохо? Скорее всего, ему было всё равно.

Понемножку он начал чувствовать ступни ног, потом заломило в коленях и отдало в поясницу. “Живой”, — подумал отец Василий и решил, что это телу плохо, а ему хорошо. “А ведь ещё каноны читать”, — вспомнил он, и тело заныло, словно легион бесов сидел в нём. “Что ж, надо и для других пожить”, — согласился он и проростонал:

— Господи, зачем Тебе эти муки?!

Потом позвал жену.

Та всё же сводила его в баню, затем отец Василий выпил чашек шесть чаю с мёдом и только тогда сообщил жене:

— Сколько на завтра исповедников, страсть.

— Каноны-то завтра будешь читать? А то ложись, а я тебе почитаю.

— Ни-и, у меня после твоего чаю силы обрелись.

Сид отцу Василию хватило ровно на каноны, ему даже казалось, что последний “Аминь” он произнёс, уже лёжа в постели.

А ещё ему явственно слышался дождь, он даже хотел выскочить на улицу, но было лень вылезать из уютной постели. Капли тихонько шлёпали по крыше, их лёгкий шелест складывался в ласковую тихую песню то ли из детства, то ли ещё из какого далека, и отец Василий ясно видел, как преобразался, впитывая влагу, садик возле дома, и что удивительно: дождик продолжал идти, а кругом разливался свет. И кладбища за домом не было. Был чудесный сад, и там были люди, которые так же, как и он, отец Василий, радовались дождю и поздравляли друг друга. И все благодарили Бога. Отец Василий прислушался, стараясь разобрать слова, до конца так и не понимая, но всё равно радуясь, что столько людей собралось и все благодарят Бога. “Как хорошо, что люди научились благодарить Бога. Это последнее, что нам осталось. Каяться-то мы, как допечёт, научились, а благодарить Бога — нет”. И всё яснее и яснее становилась лившаяся песня. “Да ведь я в Раю”, — догадался отец Василий. И тут же резкий посторонний звук вонзился во всё существо отца Василия, стал ломать, корёжить его, он очумело отбивался, крутил головой, махал руками, но звук наседал, что-то ещё грохнулось рядом, и сквозь всё это знакомый родной голос сказал:

— Батюшка, ты что? Что с тобой? Это ж будильник, ты чего так испугался-то?

Когда отец Василий вышел на улицу, светало, мир, прикрывшись утренней дымкой, казался свежим и умытым. Но отец Василий сквозь обманную дымку увидел и пепельно-коричневую землю, жёлтую пожухлую листву и безоблачное небо — никакого дождя ночью не было.

Он остановился, вглядываясь в мир и ещё не веря в его реальность. “Как же так, Господи! — Он коснулся ветки и укололся твёрдым листком. — Как же всё это понимать... А стоит ли?... Надо довершить то, что начал. Может, это последняя литургия в моей жизни. Так, в общем-то, и каждый день надо проживать, будто последний”.

Следом за отцом Василием пришли бабушки на клирос и старик Корней, который не столько пел, сколько следил за порядком и шикал на старушек, если они начинали петь не тот стих, который он указал. Пришли алтарники, мальчики Серёжа и Лёня, оба невыспавшиеся, по-взрослому высохшие, но с горящими глазами, возбуждённые и порывистые. Отслужили утреню, отчитали часы... Отец Василий всё ждал, что люди ещё подтянутся и случится то единение, которое восхитило вчера во время крестного хода, но когда он открыл Царские врата, то невольно замер и несколько секунд оглядывал пустой храм. Не совсем пустой, конечно, но столько приходит на литургию, если на будний день выпадает праздник.

Чувство досады промелькнуло в душе отца Василия. Для кого и для чего он старается тут? У него даже руки сжались и дрогнули, словно руки сами по себе захотели затворить Царские врата, мир оказался не достоин и не заслуживал чуда претворения вина в Кровь. Для кого?!

“Для Бога” — словно волной качнуло его сзади. Он ещё постоял немного, отгоняя морок, потом опустил руки от врат и повернулся к алтарю:

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа...

Началась литургия.

— Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света. Сказав это, Иисус отошёл и скрылся от них. Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него, да сбудется слово Исаии Пророка: “Господи! Кто поверил слышанному от нас? И кому открылась мышца Господня?” Потому не могли они верить, что, как ещё сказал Исаия, народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце своё, да не видят глазами и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нём. Впрочем, и из начальников многие уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедовали, чтобы не быть отлученными от синагоги, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию. Иисус же возгласил и сказал: “Верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня. И видящий Меня видит Пославшего Меня. Я свет пришёл в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме. И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришёл не судить мир, но спасти мир”.

Отец Василий закрыл Евангелие и ещё какое-то время звучавшее “спасти мир” стояло в храме и дрожало в самом отце Василии, словно его только что правильно настроили, и он теперь зазвучал во весь данный ему от начала голос в унисон со всем окружающим миром. Он вдруг услышал песню, которую слышал ночью, и теперь ясно разобрал её, и снова ему стало легко и радостно.

Отец Василий стал читать записки, и опять волна со спины, только теперь исходящая из храма, коснулась его. Он невольно обернулся и увидел, что храм полон.

Так ведь это все поминаемые! — изумился отец Василий.

— А ты чего в стороне? — обратился он к уставшей женщине и тут же призвал в ней ту самую тётку, которую вчера первой увезли на “скорой”. — Вот те на, неужто за упокой? Я ведь и звать не помню как, — и снова неожиданно пришло, словно само собой: Валентина. — Да-да, помню, говорили ещё: “Валентину увезли, плохо стало”. — Стало быть, Валентину, упо-

кой, Господи, рабу Твою Валентину. — А те-то двое, которых окропил, живы? — Живы, живы, — успокоительно отозвалось в сердце.

Когда для Бога — так всё просто. Не для людей, а для Бога. А ведь если ради Него, а не для себя, не для ближнего даже, не для человечества, то, в конце концов, и получается, что для всех — для человечества, ближнего, себя. Ведь Он как раз для всех и для каждого этот мир и устроил... И получается, что только живя для Бога, мы по-настоящему начинаем жить для других. Почему я раньше не думал об этом?

Теперь надо молиться об оглашенных. Это обо всех тех, кто не пришёл в храм. Они назвали, исповедовались, шли вчера крестным ходом — они ещё в пути. О них молиться надо, пусть все они, где бы ни были: на полях, заводах, конторах — пусть все почувствуют, пусть хотя бы почувствуют прикосновение Бога. А они хорошие, все хорошие, им только надо не забывать то чувство, которое они испытали, когда Господь коснулся их, и их воля, силы, желания стали Его силой, волей и желаниями. Какая это радость — говорить: “Да будет воля Твоя!”

Когда отец Василий вынес чашу, он снова увидел полный храм. С ума, наверное, сходя, мелькнуло в голове. А какое ангельское пение!словно архиерейский хор приехал. Что ж, пусть так и будет! Так чудесно служить, когда храм полон, когда ангелы поют, и ты словно лёгкие кнопки нажимаешь, а пение само льётся и льётся...

После “Отче наш” отец Василий опустился на колени перед алтарём:

— Господи! Я не знаю, о чём просить!

Пусть никогда не кончается эта служба!

Но на этот раз волны не обняли его. Понятно, не по чину прошение... Прости, Господи! Научи просить! А впрочем, что всё просить, просить... Научи благодарить, Господи! За всё. За людей. За мир. Господи, как хорошо с Тобой!

И снова он почувствовал тёплую волну, которая теперь поднимала его. Да-да, надо принять Тело и Кровь. Надо соединиться. Надо стать одним.

После службы матушка тянула отца Василия домой, но тот проявлял непонятное упорство: “Подожди, подожди”, — и отводил матушкину руку, за чем-то обошёл церковь, потом долго стоял на крыльце.

Все уже разошлись. Заперли храм, а отец Василий всё чего-то ждал. И дождался. Сначала вдали показалась чёрная точка, она стала расти, и скоро нарисовались несколько женщин и долговязый мужик. Мужик был сыном Валентины Егоровой, он только махал руками и открывал беззубый и беззвучный рот, и оттого был ужасен, словно ожившее немое кино, а буйствовала, в основном, сноха и поддерживающие её женщины.

12

Весть о том, что Валентина Егорова, увезённая из крестного хода в больницу с тепловым ударом, умерла, прибила село. И самое ужасное, что никто особо-то и не убивался по покойнице, а в голове чуть ли не каждого, услышавшего новость, пронеслось: “Что же теперь будет?” Тут же вспоминались слёзы Богородицы, и отголоски грома воспринимались уже как роковое предупреждение.

Как ни странно, один Пиллюлькин, в больнице которого, собственно, и произошла смерть, ходил чуть ли не гоголем, всем видом своим показывая, что вот, мол, он предупреждал, а его не послушали, теперь и расхлёбывайте. Глава района ходил мрачнее тучи. Пережитое в крестном ходе ещё не отпускало его и мешало решиться на резкое и непоправимое. А делать что-то было надо.

Вечером волостные начальники, понурые и безвольные, собрались в кабинете главы. Семён Алексеевич озвучил поступивший прогноз и с досадой отшвырнул листок.

— А недалеко от райцентра, — сказал, наконец, кто-то после долгой паузы, — ливень был.

— Это смерчи, — объяснил главврач. — Такое по жаре бывает, но это единичное явление.

— Да и бестолковый, — поддержали его с другого конца стола, — на поля ни капли не упало, всё над детским лагерем пролилось.

— Это который понам отдали?

— Ну.

Опять наступила пауза.

— Наш-то, говорят, занемог, — произнёс кто-то за столом, и это “наш-то” больно отозвалось в сердце Семёна Алексеевича: никто раньше так не называл отца Василия, а тут все поняли, о ком речь. Все молчали, и начавший говорить продолжил:

— Служил сегодня. А потом пришли родственники Егоровой и чуть не избили его.

— Дикость!

— Злые все...

— Как он?

— Говорят, плохо. С постели не встаёт.

— К нему “скорая” ездил. Никаких следов побоев не обнаружили. Обычное переутомление. Да ещё психический срыв. В смерти-то Егоровой его обвиняют.

— Да при чём здесь священник!

— Ну, а кто же? Кто-то же должен быть виноват? Я вот сразу был против этого крестного хода и предупреждал...

— По-вашему, я виноват, что ли?

— Я этого не говорил.

— Вы хоть помогли ему? Медикаменты, может, надо какие...

— Да нет там ничего страшного. Отдохнёт и опять пойдёт кадилом махать. А насчёт медикаментов, так там дочка уже приехала и такого навезла, что нашей больнице и не снилось.

— Хватит. Что делать-то будем?

— Надо не допустить, чтобы похороны Валентины Егоровой из скандала переросли в трагедию...

— Да ладно тебе, Иван Петрович... Ну, хорошо, хорошо... Сходите завтра, поговорите с родственниками, успокойте, помогите... В общем, надо, чтобы не было резонанса. А как, кстати, двое других, которых увезли на “скорой”?

— Эти нормально, домой уже ушли.

— Вот ведь та, которую сразу увезли, померла, а те, которые полчаса на жаре “скорую” ждали — ничего. Может, и ту дёргать не надо было? Ну, ладно-ладно, не кипятись... Это я так, теперь не вернёшь, а вот всё же, что нам с хлебом делать?

— Ещё три-четыре дня такой погоды — и всё вообще пропадёт, а сейчас хоть скотине на корм соберём...

Опять все замолчали.

— Ладно, чувствую, ничего мы сейчас не высидим. Давайте завтра, утром вечера мудренее...

13

Белый джип, словно падшая с неба луна, в сумерках медленно прокатил по селу к домику священника. Из него выбежала женщина, следом за ней шофёр занёс в дом пакеты, вернулся к машине, и та быстро исчезла. Наступила ночь. А в доме священника забрезжил свет.

До приезда дочери матушка пребывала чуть ли не в отчаянии, а тут словно лучик ворвался. Матушка, обняв дочку, расплакалась, но тут же собралась, задвигалась, захлопотала, начала было пересказывать, что пришлось вытерпеть за последние дни, но Маша, поцеловав мать, подошла к постели, на которой лежал отец, взяла его горячую руку, нагнулась к покрытому потом лицу и шепнула:

— Папочка, здравствуй.

Он открыл глаза, постарался улыбнуться и тихонько сжал руку дочери.

— Всё будет хорошо, — сказала Маша.

Отец качнул головой и закрыл глаза. Маша почувствовала, как слабеет и выскальзывает из её руки рука отца.

— Кажется, уснул, — сказала через несколько минут стоявшая рядом матушка. — Первый раз тихо лежит, а то всё метался, стонал. Ужас, что было... Ты посиди с ним, дочка...

Маша просидела, поглаживая руки отца и любовно глядя на него, с час. Вспоминалось детство. Благодарно, но отстранённо, будто не о себе вспоминалось, а о другой чудесной девочке. Вдруг рука отца дрогнула, и он открыл глаза. От его неожиданно строгого взгляда у Маши по спине побежали мурашки.

— Ко мне сейчас придут, — сказал он тихо и твёрдо.

Маша вспомнила, как в детстве, случалось, отец отгонял её, когда она лезла поиграть с ним. “Погоди, я Евангелие читаю”, — говорил он и так же строго смотрел на неё. Маша в эти минуты ненавидела Евангелие!

— Кто? Кто придёт?

Отец не шевелился, будто вслушивался в окружающее. “Да он бредит, — решила Маша. — Бедный папа, а я думала, что ему стало лучше”. И тут она услышала, как к дому подъехала машина, и неестественно оробевший голос матери:

— Здравствуйте, вот не ждали. Только он ведь больной совсем. Изматался. Всё бредил, а час назад уснул.

Маше показалось, что она смотрит ужасный фильм: ночь, домик у кладбища, очнувшийся, словно с того света, отец, приехавший незнакомцем. Мистика какая-то! И она перекрестилась.

— Пусть, — ясно услышала она голос отца, а дальше не разобрала: то ли “войдёт”, то ли “уйдёт”.

Но он уже входил — дверь отворилась, и незнакомец оказался вполне знакомым, по крайней мере, именно так он выглядел на плакатах при въезде в село — это был глава района.

Семён Алексеевич поставил на стол пакет, в котором виднелись снесь, сок, в общем, что обычно приносят больным, и немного смутился.

— Узнал, что Василий Георгиевич приболел, решил проведать...

— А это дочка наша — Маша. Из города как раз приехала...

— Очень приятно... — Семён Алексеевич слегка поклонился. — Наслышан...

— Садитесь, — услышали все и посмотрели на кровать.

Отец Василий, только что бывший белым и истончённым, порозовел, словно в него влили краску, и, приподнявшись на подушках, смотрел на всех совершенно осмысленно.

— А мне тут понаговорили всякого, — вырвалось у Семёна Алексеевича, — мол, чуть ли не при смерти. Нет, я не в этом смысле... то есть я хотел сказать: а вы молодцом! — а про себя подумал: “Точно Абрамыч говорил: дочка лекарств из города привезла и, поди, вколола чего-нибудь”.

— Садитесь, — повторил отец Василий. — Маша, дай стул.

Ух, как она сейчас не любила главу района! Прямо как в детстве Евангелие. Зачем он приехал?

Она поднялась с кровати и придвинула стул.

Семён Алексеевич сел и вдруг задумался: и правда — зачем он приехал? Чего он сорвался к сельскому попу? Теперь вот сиди и вымучивай слова, не молчать же...

— Говорите, Семён Алексеевич, я вас слушаю...

“Как на исповеди”, — пронеслось в голове Маши, и она отошла, увлекшая маму в другую комнату: “Пойдём, расскажешь...”

Семён Алексеевич оглянулся, потом опять задумался.

— Да вот не знаю, с чего начать...

— А что вас сейчас больше всего волнует?

— Убирать хотя бы этот хилый хлеб для скотины или всё же надеяться на дождь? — неожиданно для самого себя выпалил он и тут же подумал: “Чего я несу, какой ему хлеб, какая скотина, он что, агроном, что ли?”.

— Это — не главное...

— А что?

— Главное — благодарить.

— Кого?

Отец Василий молчал.

— И за что Его благодарить?

— За всё.

— И за жару?

— И за жару.

— Гм, за то, что гибнет зерно, за то, что люди останутся без урожая, и зимой элементарно многим нечего будет есть?

— А как ещё люди узнают, что Он есть?

Теперь надолго замолчал Семён Алексеевич.

— Не кажется ли вам, что это слишком жестокий способ для милостивого Бога?

— Видимо, другие не действуют. А если впереди пропасть, то что будет большей милостью: молчать, не тревожа совести, или не давать покоя, напоминая о ней?

Опять помолчали.

— Не факт, что подействует.

— Не факт.

— Тогда зачем всё это?

— Потому что Он любит нас.

— Бред какой-то. Это не любовь, это варварство, самое настоящее варварство.

— Ну, мы же наказываем своих детей, желая, чтобы они стали лучше.

— Ладно, мне тогда кого наказывать?

— Вам-то зачем? Лучше похороните по-христиански Валентину.

— Какую Валентину?

— Ту, что умерла сегодня.

— Боюсь, как бы вам сказать, мы ходили к ним, там... там дома, скажем так, неоднозначно относятся к Церкви.

— Я знаю. Она исповедовалась. Там. Пред Богородицей. Я знаю, что у неё дома. Знаю, что она собиралась страшно согрешить... Я не могу вам всего сказать. Пути Господни неисповедимы, а так она ушла чистой. Позовите благочинного, отца Александра из Степного. Он всё устроит. Он хороший. У него всё обойдётся. Он и меня проводит.

— Что вы опять говорите? Да он, кажется, бредит!

Семён Алексеевич поднялся, и тут же к больному метнулась молодая женщина. Она принялась целовать гаснущее лицо отца Василия, потом повернулась к гостю:

— Да идите же!

Семён Алексеевич повернулся и пошёл к двери.

— Убирай, — услышал он за спиной.

— Что? — не понял он.

— Зерно убирай, — снова чётко донеслось до него.

Он обернулся. Отец Василий недвижно лежал на кровати, дочь держала его за руки, у изголовья стояла матушка.

Семён Алексеевич постоял немного, удивлённо вслушиваясь в пространство, потом толкнул дверь и вышел.

14

К утру отцу Василию стало совсем плохо. Он задышался, лицо его то пеклось испариной, то вдруг остывало, и капельки пота поблёскивали, словно льдинки морозным утром.

После обеда приехал благочинный.

Отец Александр был худ и бороду имел длинную и прямую, будто витую из тонкой медной проволоки. Худоба вместе с бородой делали его выше и строже, на самом же деле батюшка слыл добрейшей души человеком.

В годы студенчества, увлѣкшись православием, он взревновал о подвигах. И Великим постом говел по запискам древнего синайского пустынника. Про разговоры пустынник никаких записей не оставил, и разговлялись чисто интуитивно, как подсказывала общага и экономленные за семь недель поста запасы. Дня три общага славила Христа, а на четвѣртый будущего батюшку увезли в больницу, где пришлось делать срочную операцию на желудке. Потом он ещё месяца два провалялся по всяким лечебным учреждениям, бросил институт и поступил в семинарию. В общем, спасся, но желудок испортил на всю жизнь. Более того, когда отца Александра рукоположили, к нему прилепилось искушение, которое весьма тяготило батюшку: каждую весну у него случалось обострение желудочной болезни, и он должен был ложиться в больницу недели на две. Самое неприятное во всѣм этом, что обострения приходились всегда на Великий пост, и отец Александр просил только, чтобы случались они не на первую и последнюю недели. И Господь пока миловал. Видимо, от постоянного ощущения болезни, которая денно и нощно напоминала отцу Александру о зыбкости всего земного, он к скончанию века относился весьма спокойно и даже радостно. При этом надо заметить, что, при всех его болячках, у него имелись четверо детей, рождѣнных в законном браке. Вот и думай тут, кто больной, а кто здоровый.

Отец Александр пил чай и рассказывал, как прошли похороны. В доме Егоровых, и правда, затевался скандал, но тут обнаружили записку Валентины, в которой она просила у всех прощенья и просила никого не винить в своей смерти. Записка была явно написана до крестного хода, а пока сноха соображала, как повернуть новые обстоятельства, пришли люди из администрации, взяли на себя все хлопоты с похоронами, поминками и пообещали устроить мужа на работу. Не успели порадоваться, как появился отец Александр. Тут со снохой случилась истерика, и отец Александр, недолго думая, вызвал “скорую”, на которой сноху, видимо, по чьей-то подсказке, увезли аж в область, и весь мрак вокруг дома Егоровых рассеялся, яко дым ото огня, и отпевание, и сами похороны прошли мирно и пристойно.

Отец Александр допил третью чашку чая и подошёл к недвижно лежащему отцу Василию.

— Так что упокоил я её, и ты за неё не скорби. Слышал?

Отец Василий, непонятно даже — как, то ли бровями, то ли кожей на голове, — но все поняли: поблагодарил.

— Вот и ладно. Давай теперь тобой займѣмся.

Это прозвучало так обыденно, словно отец Александр работал могильщиком на кладбище. Одно дело сделал, сейчас другим займѣтся. Маша хотела возмутиться, но сдержалась и, как матушка, опустила голову.

Соборовал отец Александр хорошо. Голос у него суховатый, надрывный, словно человек несѣт что-то важное и тяжѣлое, и по дороге со своей ношей разговаривает. Он обильно мазал отца Василия елеем, и казалось, то ли пот проступал на его лице, то ли слѣзы текли. И отец Василий словно оживал, только выглядел сильно уставшим. Вместе с ним тихо плакали женщины. Когда отец Александр подносил частичку, отец Василий открыл глаза, рот и затем поцеловал чашу.

— Вот и слава Богу, — сказал отец Александр, потом присел к отцу Василию и осторожно, словно боясь кого-то спугнуть, спросил:

— Ну, как ты, отче?

И отец Василий ясно ответил:

— Не знаю.

— Это хорошо, что не знаешь, — обрадовался отец Александр. Он, наверное, любому ответу отца Василия сейчас обрадовался бы. — Это только дураки всё знают.

— И хорошо, — сказал отец Василий, а после паузы добавил:

— И плохо.

— И правильно, — опять поддержал отец Александр. — Так оно и должно быть. Нам ведь когда по-настоящему хорошо бывает? Когда мы приближаемся к Богу. Вот отсюда и хорошо. А когда приблизимся, понимаем, что дальше-то уже сами приблизиться не можем, потому что кто мы

и что́ мы? Недостойны. Глаза поднять недостойны. А не то что в радость войти. Вот отсюда плохо. Теперь только Бога молить. Правильно, плачь, плачь — самое то. У тебя, отец, хорошие слёзы. Не свои. Ты, может, и не хочешь сейчас плакать, а они текут. Это Господь тебе помогает. Часто ведь бывает: хочешь о грехах своих поплакать, а слёз нет. А тут видишь, как Господь сподобил тебя, ну, плачь, плачь — это хорошо тебе.

Отец Александр посидел ещё немного и поднялся. Перекрестил отца Василия, словно разгладившегося от слёз, и шагнул к женщинам.

— Поеду я.

— Куда вы? — всполошилась матушка. — Ночуйте у нас.

— Ни-ни, — замахал руками отец Александр. — Тут я пока не нужен, — смутился немного сорвавшимся словом “пока” и, словно извиняясь, объяснил:

— Там у меня лагерь, дети, их тоже так-то не оставишь. Я приеду, обязательно приеду. В воскресенье отслужу литургию и приеду. — В дверях остановился. — Эх, а у вас-то кто литургию служить будет? И попросить некого. Ладно, что-нибудь придумаем.

С тем и уехал.

15

В пятницу к обеду приехал вызванный телеграммой сын.

Андрей, неприметный молодой человек, и в родительском доме появился тихо. Он измучился, пока ехал в тряском прокалённом автобусе двести вёрст из областного центра, а до этого была ещё бессонная ночь в аэропортах, полузабытьё в самолёте, во время которого тревожные чувства не оставляли его. Словно он направлялся во что-то неизвестное и роковое, где сам уже никак не мог повлиять на обстоятельства. И эта неясность и чувство иной управляющей силы сразу придавили, и ощущение своей малости и беспомощности не оставляло всю поездку. Сестра, позвонившая днём, ничего толком не объяснила, да, видно, и не могла, он понял только, что отец при смерти и что всё очень серьёзно, но как, отчего? Сестра сказала, что доктор велел готовиться к худшему. Так ведь вот только что весной на Пасху виделись, и отец выглядел весьма крепко и бодро. И опять это осознание хрупкости мира и невозможность изменить в нём самое важное и необходимое больно сжали сердце.

Тяжести на сердце добавила Москва. Конечно, и в подмосковном научном центре, где он жил, знали о пожарах, ощущение беды докатывалось то неприятным запахом, то перебоями со свежими продуктами. Всё это вызывало, скорее, досаду, а в Москве ему вдруг показалось, что он попал на съёмки апокалиптического фильма. И он ещё долго не мог отделаться от того, что это — реальная Москва, а не киношная площадка.

И дело было даже не в изматывающей жаре, усиленной и многократно отражённой асфальтом и камнями столицы, а в общей атмосфере растерянности и безумства. Люди, словно отравленные крысы, метались из угла в угол, готовые сожрать друг друга даже не из-за того, что кто-то мешает или отнимает кусок, а просто оттого, что сам окружающий мир погибал, и зараза уничтожения вместе с дымом проникала всюду, как невидимый психотропный газ. Каждый смог почувствовать, как ненадёжен мир и всё, что в мире, и как близок конец. Страшно...

В провинции, несмотря на ещё более жаркую погоду, страха почти не ощущалось. Здесь к концу света относились благодушно и во всём винили местные власти. По крайней мере, такое впечатление сложилось, когда Андрей сел в автобус и до него со всех сторон стали доноситься новости. Автобус трясло и порой так подбрасывало, что ясно слышалось, как все его детали подлетают в воздух, дребезжат каждая по-своему, но каким-то чудесным образом опять составляют в единое целое и продолжают катить по дороге.

В автобусе Андрей услышал и про крестный ход, и про слезу Богородицы, и про смерть женщины, и как после всего этого заболел батюшка. Его жалели... Потом снова разговор пошёл про власти, огороды, про какого-то

Петьку, которого покусали пчёлы, но вслушиваться уже не было ни сил, ни желания, так покойно и хорошо было ехать в тряском автобусе, что он с удовольствием прикрыл глаза и отстранился от внешнего мира.

16

Странно, почему мы так страшимся смерти? Ведь даже если здраво рассуждать, то мы считаем, что после смерти окажемся у Бога. Обязательно у Бога, потому что кто, если не мы? Мы же и в церковь ходим, и свечки ставим, и причащаемся... Так кто же тогда?.. Так ведь у Бога должно быть лучше! Он отрёт всякую слезу... А мы боимся. Вот взять сестру, мать — отчего они плачут? Им жалко отца? Так ведь они должны радоваться! Он прожил хорошую, добрую жизнь, так отчего же плакать, коли Господь забирает его? И почему мне самому страшно от всего этого? Нет, я не думаю, что завтра умру, мне всего двадцать шесть, мне ещё жить и жить, и хотя умом-то я понимаю, что эти тридцать-сорок лет пролетят, как единый миг, я не верю, что это будет мигом, мне кажется, это будет тянуться долго, это никогда не кончится. Да если и кончится, то чего же бояться? К Отцу отойду. Воскликнуть бы сейчас: “Смерть, где твоё жало?!” Ан нет — боюсь. Не верю... Неужели я не верю? Господи, неужели мы все не верим, что придём к Тебе?! Господи, Господи, что с нами, почему мы (ну, хорошо, я!) держимся за этот мир, хватаемся за любую соломинку, только бы удержаться тут ещё на год, на день, на миг... Почему смерть так страшна? От того, что мы точно не знаем, что там, после смерти? Но пусть это у тех, кто не верит в Тебя, кто упёрся в обезьяну, в прогресс, ну, а те, кто верит? Ведь для верующего нет смерти? Неужели мы все не верим? Ладно, я. А сестра, мать? Господи, а отец?

Андрей открыл глаза и посмотрел на отца. И снова, как в первые минуты, когда женщины пустили его к нему, он вздрогнул: настолько явственно было присутствие смерти, будто она была живое существо и сейчас сидела здесь же, у постели, терпеливо ожидая своего часа.

Андрей много видел покойников. Будучи мальчиком и юношей, он помогал отцу отпевать их, да и сама жизнь возле кладбища, казалось, должна была сделать смерть обыденным делом. Но вот ведь только что, не так давно, отец разрезал пасхальный кулич, и его мягкие, пухлые руки раздавали кусочки за семейным столом, а теперь почерневшие кости торчали из-под одеяла, на лице — матовая плёнка с жутким зелёным оттенком, под бородой ясно ощущаются провалы, словно там уже нет щёк, рта, а бородой только прикрыли пустоту. Андрей, как загнипнотизированный, не мог оторваться от созерцания лица батюшки и всё впитывал, впитывал страшный образ, как вдруг веки отца дрогнули, и он шевельнул рукой, словно хотел дотронуться до сына. “Он всё понимает и видит”, — подумал Андрей, глядя на закрытые глаза отца, и, преодолевая страх, взял его руку в свою. Тот благодарно дрогнул пальцами.

— Почитай, — вдруг шевельнулись губы отца.

Это прозвучало так ясно, что Андрей снова и неожиданно радостно подумал: “Да он и впрямь всё соображает”.

— Что почитать? — спросил он.

— ...стырь, — донеслось уже не так чётко, но Андрей понял, поднялся, взял лежащую у изголовья книгу. “Видимо, Маша, читала”, — и раскрыл на заложенной странице.

Это был 104-й псалом. Андрей представил, как, прочитав предыдущие (он хорошо знал их, это были благодарственные псалмы, часто читавшиеся во время службы), Маша расплакалась и закрыла книгу.

— Славьте Господа... — голос его дрогнул, он снова ясно увидел плачущую Машу: как славить Господа у постели умирающего отца?! А каково ему?! Он посмотрел на отца, и показалось, что тот слегка качнул головой, давая знак, чтобы Андрей продолжал.

— ...призывайте имя Его; возвещайте в народах дела Его; воспойте Ему и пойте Ему; поведайте о всех чудесах Его... Ищите Господа и силы Его, ищите лица Его всегда.

Андрей задохнулся от того, как точно стих совпал с его мыслью, прочитал его про себя ещё раз и снова посмотрел на отца. Лицо его было спокойно, безмятежно и бесстрастно. “Вот оно...” — только подумал он и тут же отмахнулся от мысли, чтобы не мешала: читать, читать...

17

Андрей был прав — отец Василий всё понимал. Он переживал странное состояние: тело не мешало ему, оно ощущалось, скорее, как нечто уже не своё, но без которого никак не обойтись, если нужно было общаться с миром. Не любил, например, отец Василий телефона, а хочешь голос дочки услышать — так берёшь трубку, да ещё просишь при этом: “Давай, милая, давай, соединяй, пожалуйста”. Так и с телом — его приходилось просить и натягивать на себя, как новые жмущие сапоги. Вот и сейчас отцу Василию пришлось вернуться в тело, чтобы утешить сына. Он так и понимал, что это он, бездвижный, поддерживает его. И всякий раз отец Василий решал: вернуться ему окончательно или нет? Вообще без тела было хорошо. Как только отец Василий забывал о нём, становилось легко и радостно. И он готов был лететь, парить, но страх, жуткий страх неизвестности всякий раз сковывал полёт. Что там?

Однажды дикая мысль посетила его: “Неужели я в Бога не верю? Ведь, если бы верил, я бы стремился к Нему, а я боюсь. Я ведь не суда боюсь, я боюсь, что не будет никакого суда”. И, когда он так подумал, вселенский холод, не тот, который чувствуешь, когда съёшь руку в холодильник, а тот, в котором отсутствует тепло, коснулся умирающего отца Василия. И некуда ему, прикованному к кровати, было убежать. Тогда он стал скороговоркой повторять: “Господи, помилуй, Господи, помилуй”. Через пару минут уже повторял размереннее: “Господи, помилуй мя, грешного”, потом стал молиться ещё спокойнее: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного”.

“Что это было?” — думал отец Василий и сам себе отвечал:

— Дыхание ада. Но если есть ад, тогда есть и рай. Тогда отчего же так страшно? Неужели оттого, что я просил, а Он не услышал? Нет, как Он мог не услышать, просто Его воля в другом. А в чём? Господи, как узнать волю Твою? А если Он откроет... А я не смогу понести... Не смогу, потому что слаб и немощен... Я всё время мечтал о тихой и мирной жизни. И в храме всегда на службе старательно возвышал голос о мирной кончине. Да и катилось всё к этому: под крылом отца тихо-мирно взошёл на амвон, потом так же тихо-мирно служил, крестил, венчал, отпевал... когда звали. Если не звали, то и не напрашивался... А вот теперь так страшно... А может, страшно оставлять жену и детей, которые, конечно, переживают и будут ещё долго переживать. Так ведь это временно. Дети пристроены, с женой пожилы... Да и сами понимать должны. Поплачут, поплачут и перестанут. А люди? Люди и не заметят, пришлют другого священника, который будет и моложе, и деятельнее... Бог с ним, с этими миром.

И ему уже хотелось уйти отсюда, пусть даже в страшную неизвестность, но пусть скорее это перестанет быть неизвестностью, в которую тянуло, как тянет в пропасть.

Но почему обязательно в пропасть?

Ему всё чаще вспоминалось, как страдал, уходя к Богу, его отец — протоиерей Георгий. Слёзы постоянно текли из его ослепших глаз, и он деревенеющим языком всё корил себя: “Как же я тогда, грешный, крестом-то по двери... Святым крестом! Прости, Господи, не вмени, в помрачении был, в помрачении”.

Отца Василия тогда поразили не столько постоянные слёзы умирающего человека, это даже являлось для него признаком чуть ли не святости. Такой плач Бог даёт не каждому, и он радовался, что отец так угодил Ему, а поражало, что отец Георгий, проживший такую трудную, полную страданий и мученичества жизнь (голод после революции, выламывание крепкого крестьянского хозяйства, каторжный труд на поселении после раскулачивания,

война, послевоенная разруха, уход в церковь, когда начались хрущёвские гонения, служение при богоборческой власти), кается за поступок, который считался одним из подвигов отца Георгия, прочно вошёл в историю села и с гордостью пересказывался приезжим.

В начале девяностых в одно тихое июльское утро на селе появились адвентисты какого-то дня, купили дом в самом центре рядом с администрацией и собрались открыть молельню. Отец Георгий, произнеся проповедь, где он, в основном, рассказывал, как защищал Отечество от немца, сошёл с амвона и двинулся в центр села. Прихожане пошли за ним, по дороге всё более и более прирастая людьми, так что к дому адвентистов подошла уже внушительная толпа, а впереди — отец Георгий: брови сдвинуты, взгляд решительный, борода развеивается, крест в руке сверкает, словно молния, в общем, Победоносец, да и только. Адвентисты забаррикадировались и не высовывались, пренебрегая, как поняла это толпа, общественным мнением. Отец Георгий поначалу стучал в дверь вежливо, но там, видимо, решили держать осаду до конца, как турки в Измаиле. Тогда батюшка, осерчав, стукнул крестом по двери, и та неожиданно раскрылась. Настолько неожиданно, что толпа притихла. И отец Георгий шагнул внутрь. Не было его минут пятнадцать. Что там происходило, никто не знает, но вышел отец Георгий такой же грозный.

— Всё, — объявил он. — По домам.

— А эти-то как же? — спросила какая-то тётка.

— По домам, — повторил отец Георгий.

— Чё, не будем мочить? — спросили ещё огорчённо. — Обещали же...

— Я сказал: марш по домам, — рявкнул батюшка, поднял крест, и все шарахнулись от него, словно он не крест поднял, а гранату.

Адвентистов никто больше в селе не видел. Не видели даже, как они исчезли, собственно, никто не видел и того, как они и появились в селе. Слово дух какой-то: материализовался и растаял, яко дым.

“Отчего отцу были дарованы такие слёзы, а мне — нет? — думал умирающий священник. — Страха Божия нет во мне... Привык, что всё хорошо да гладко: ни голода, ни холода, ни войн — всё какое-то обыденное тягло. Но ведь вот отец, он на адвентистов пошёл в мирное время. Скорбел потом, но какие слёзы дал Господь! А не делай отец тех поступков, были бы такие слёзы?”

18

Вечером приехал муж Маши Виктор — высокий красивый молодой человек с русыми вьющимися волосами, высоким лбом и большими наивными глазами — больше похожий на актёра, чем на бизнесмена. Одет он был неброско, но настолько элегантно смотрелись чёрная рубашка с еле уловимыми белыми нитями, отливающая кремовым цветом тёмные брюки и даже ремень с отполированной до зеркального блеска чёрной пряжкой, что невольно хотелось найти в нём хоть какой-то изъян, и Андрей подумал: “Белое ему подошло бы лучше”.

Жена подошла и поцеловала его. Он чуть приобнял её и тоже поцеловал, и Андрей снова, как тогда, на Пасху, когда они первый раз встретились, с некоторой завистью отметил, что они по-настоящему любят друг друга. В движениях, жестах, взглядах всё было так естественно, что не могло не восхищать, как восхищают лес, река, поле, незапятнанные цивилизацией. На какую-то минуту они даже забыли, зачем приехали сюда, а просто радовались тому, что они муж и жена и что они вместе.

Виктор заглянул в комнату, где лежал отец Василий. Там читала Псалтырь матушка. Она оторвала взгляд от книги, посмотрела на зятя, и его поразили её строгие глаза и лицо. “Ничего себе, как хорошо держится, — отметил Виктор. — Вот молодцы православные!” Матушка кивнула зятю и продолжила чтение, получалось у неё ровно, только частые придыхания немного разбивали фразы, и не выходило Машиной напевности. “Ну, так Маша-то у меня специалист, на регентшу училась”, — лишний раз похвалить жену было Виктору в удовольствие. Он посмотрел на отца Василия и ещё

раз удивился: он не заметил в нём высохшего тела, а только довольного маленького ребёнка, которому долго обещавшая мама наконец-то взялась читать сказку перед сном. “С чего решили, что он умрёт?” — подумал Виктор и вышел из комнаты.

Маша разбирала привезённые сумки.

— Перекусишь или подождёшь, пока ужин соберу?

— Подожду, — Виктор подошёл к столу, отрезал кусок колбасы и принялся жевать, расхаживая по кухне. — А чем он всё-таки болен?

— Толком ничего не объясняют. Главврач говорит про тепловой удар и психическое истощение. А больше давит на то, что у него психологическая травма: мол, просил у Бога дождя, народ за ним, как за Моисеем, пошёл, а он Моисеем не оказался — Бог его не услышал, вот он и надломился.

— Чуть это всё, — сказал Виктор, подошёл к столу и отрезал ещё колбасы. — Он же знает, что Бог не каждую просьбу исполняет. Ведь так?

— Так... Там, во время крестного хода, ещё икона плакала. Все видели, как у неё слёзы текли.

— Вон оно что... Надо же. Жалко, не видел. Давно хочу чудо увидеть. А мне всё не даётся. Почему так, Маш, а? Хотя нет, ты у меня — чудо. Я вот, знаешь, и правда думаю: это же чудо, что Господь нас свёл. Я сейчас уж и не помню, зачем тогда в храм зашёл... а ты там пела... Мне, Маш, иногда страшно бывает, когда вдруг представляю, что я тогда мог мимо проехать. А тут велел остановиться. Зачем? Да я говорил тебе уже об этом, да... Может, всё-таки отвезти его в область?

— Давай подождём до утра.

— Как скажешь. Видишь, я стараюсь быть послушным. А когда ужин? Ну, ладно, ладно, я ещё кусочек отрежу и пойду посмотрю кое-какие бумаги...

19

К ужину поднялся Андрей. Он выспался, тягостное состояние ушло, родной дом вернул забытое чувство уюта, было даже неудобно, что он чувствует себя так хорошо. “Вот как у Господа, — думал Андрей, — надо было приехать к умирающему отцу, чтобы в душе немного успокоилось...”

После ужина мужчины вышли на улицу. Солнце уже село, наползавшие сумерки всё больше скрадывали окружающее, а главное — тянуло желанной прохладой.

Идти было некуда, они сели возле дома на лавочку, и Виктор спросил:

— Ну, как дела, химик?

— Да не химик я, — улыбнулся Андрей семейной шутке, которую быстро усвоил Виктор. — Я — физик.

— Всё равно. В молекулах ковыряетесь?

— Ковыряемся...

— А я вот всё спросить тебя хотел: почему ты в священники не пошёл? Сейчас бы служил здесь — смотри, благодать-то какая, тихо, хорошо, ни министров, ни налоговой, на накатов, ни откатов...

— Не скажи, тут тоже не просто, сам видишь, какие тут страсти. А я, между прочим, ни одного священника старше сорока, у которого не было бы седого волоса, не встречал. А потом — это же призвание. Господь каждому даёт талант по силе и разумению. И мне кажется, счастье каждого человека — открыть этот талант, а не пытаться заниматься не своим делом. Мне всегда было интересно знать, а как оно там происходит внутри? Не на механическом уровне, а глубже. Как это Бог мог так всё гениально устроить и обо всём подумать. Иногда мне кажется, что я хочу объяснить Бога с помощью науки. Себе — в первую очередь.

— Если ты пытаешься объяснить себе Бога, получается, что ты и не веришь... Прости, конечно.

Андрей помолчал.

— Наверное, ты прав. Страха Божия у нас нет. Всё за запретными плодами стремимся... Эх, вот ты не застал нашего деда — вот где вера была.

— А как же твой отец?

— Мне кажется, он только сейчас к ней приходит.

— Тогда Бог не должен его забирать! — Виктор подскочил с лавочки, сделал пару шагов туда-сюда и решительно рубанул:

— Мне кажется, что он не умрёт!

— Дай Бог... — ответил Андрей, и опять ему стало стыдно, что вот человек, только недавно вошедший в их семью, так искренне переживает за отца, а ему, единственному сыну, в общем-то не так уж и важно, останется жить отец или нет. Не совсем, конечно, всё равно... но вот же сейчас вместо того, чтобы переживать за отца, он наслаждается покоем и даже где-то глубоко-глубоко рад, что смертная болезнь отца вырвала его из привычной суеты. “А что дальше?” — подумал он.

— А какой у меня талант? — не дал додумать шагавший перед лавочкой Виктор.

“Он тоже о себе думает, — отметил Андрей. — Смерть вообще заставляет думать о себе. Так что же дальше?.. Приносит ли мне радость то, что я делаю?”

— Приносит ли тебе радость то, что ты делаешь?

Виктор остановился.

— Ты меня спрашиваешь?

— Ну да.

— В общем-то да, совесть особо не мучает. Мне интересно что-то организовывать, строить. Это здорово: вот пустое место, и ты видишь, как на нём поднимается дом или завод, или вот, например, мы сейчас уникальный объект пробиваем... А вообще хочется в Сочи влезть — вот где можно по-настоящему поработать...

— Что, там больше воруют?

— Там платят нормально.

20

На следующий день Андрей еле поднялся с кровати. Просыпался и снова погружался в дремоту, и так не хотелось вылезать из удобной постели в мир (а что там, собственно, делать?), что даже когда заломило в спине, он всё равно продолжал лежать, прикрыв глаза и закинув руки за голову.

Всё же лежать надоело, пришлось подниматься. Но сонное ленивое состояние не отпускало, Андрей зевал, спотыкался, за столом, откусив бутерброд, выронил кусок изо рта, чем рассмешил Машу. Она, в отличие от брата, была бодра и энергична. Под утро, когда сменила за чтением Псалтыри Андрея, она заметила, что папа спит. Это был сон совершенно здорового человека, с ровным дыханием, чуть приоткрытым ртом и безмятежным выражением лица, какое бывает разве что у детей и вышедших недавно замуж молодых девушек. “Витя был прав, — отозвалось в ней, — папа не умрёт”, — и теперь это чудесное настроение, что всё будет хорошо, не покидало её.

Накормив брата, она занялась с мамой приборкой дома. Виктор сидел в папиной сараюшке с бумагами и ноутбуком, только Андрей маялся без дела. Он пробовал читать, но книга валилась из рук, пробовал помогать женщинам, но только мешал им, пробовал выйти на улицу, но там снова пекло, так что опять пришлось браться за папины книги, которые перечитал ещё в юности. “Хоть бы скорее обед”, — Андрей совсем не знал, куда деть себя, но с обедом никто не торопился, и он уже начинал ворчать: “Так и забудут про меня”.

— Андрей! — позвала Маша, и тот аж подпрыгнул и бросился в коридор. — Тебя отец Александр к телефону.

Андрей несколько удивился и взял протянутую трубку.

— Благословите, батюшка.

Из трубки побежал весёлый говорок отца Александра:

— Бог благословит. Ты вот что, Андрей Васильевич, поможешь мне завтра? Ага, хорошо. Службу-то не забыл? Отлично. Я что думаю, приеду я к вам завтра, у меня тут есть кому послужить, а я — к вам. Только я пораньше приеду, мы и утреню отслужим, а потом — литургию. Ну, и хоро-

шо. Я часикам к восьми приеду, а ты пока, Андрей Васильевич, подготовь там всё, ну, ты знаешь...

Звонок отца Александра разбудил Андрея — наконец-то нашлось ему дело. Он взял у матушки ключи от храма. Казалось, он так давно тут не был, а ведь только на Пасху помогал служить отцу. Прощёл в пономарку, стал раскладывать уголь, кадило, ладан, долго не мог найти Апостол, нашёл на клиросе, а ещё надо приготовить свечи, потом захотелось прибраться в алтаре, сходил домой за ведром и тряпками.

Не заметил, как в храме появились люди — две женщины и мальчик. С минуту недоумённо смотрели друг на друга.

— А служба будет? — спросила одна из женщин.

— Завтра в восемь — утренняя будет, потом литургия, — ответил Андрей и добавил:

— Благочинный приедет служить.

Женщины потоптались у дверей.

— Может, помочь чего?

Андрей задумался:

— А вот свечи подготовьте...

Потом почистили лампадки, умыли иконы. Пришла мама с сестрой, принесли ещё ведро и тряпки — началась настоящая уборка, как перед Пасхой. Ещё появились люди, все что-то делали, каждый вносил свою лепту, и этот совместный, хоть и не великий труд приносил радость. Потому что любое, пусть малое усилие на Божьем поприще — это отдых душе и утешение.

21

На следующий день храм наполнился с самого утра, а народ всё прибывал, к началу литургии уже невозможно было втиснуться внутрь, и люди стояли у раскрытых окон, крестились и подпевали.

После службы был ещё молебен, а потом отец Александр пришёл пить чай.

— Ну, как ты? — спросил он отца Василия.

— Да ничего, слава Богу... — Отец Василий полулежал, приподнятый на подушках, и радостно оглядывал вошедших.

— Гм... А как решил-то?

— Хорошо мне, — ответил отец Василий. — Воскресение сегодня...

— Да, малая Пасха. Эх, отче, знал бы ты, сколько нынче за здоровье отца Василия я записок прочёл! Так что ты уж народ не подводи, поднимайся потихоньку. Жатвы много, а делателей, как всегда, не хватает. Разве что вот Андрея твоего рукоположить, а? Он славно помогал сегодня. А уж как Апостол читал! М-м, песня!

Андрей смутился и опустил глаза, а отец Василий благодарно улыбнулся.

— А как Маша твоя на клиросе пела! Вот талантище! — продолжал восторгаться отец Александр. — А зять твой, как встал у иконы Богородицы, так и глаз не сводил с Неё. Я всё видел! А народу-то сколько в храме было! И правда — самая настоящая Пасха сегодня. Видишь, какой Господь нам праздник даровал. А ведь это всё на земле ещё. Что ж ты плачешь-то? А-а, ты же дождика просил — вот тебе и дождик Господь послал. Всеуму, видишь, своё время. И ты давай, поднимайся потихонечку — наша-то с тобой командировка ещё не закончилась...